

ХАБЕРМАС (Habermas) Юрген (р. 1929) - нем. философ и социолог. В 1961-64 преподавал философию в Гейдельберге. С 1964 — проф. ун-та Франкфурта-на-Майне. С 1971 — директор Ин-та по изучению жизненных условий научно-техн. мира в Штарнберге. Выступал как преемник *Хоркхаймера* и *Адорно*, ведущий представитель второго поколения теоретиков Франкфурт, школы, идеолог «новых левых». С нач. 60-х гг. занимает умеренно реформистскую позицию, стремясь объединить гуманистич. черты традиц. либерализма с идеями «организованного» капитализма и социального правового гос-ва. Политически близок социал-демократии. В основе учения Х. лежит критич. теория *Франкфурт. школы*, переосмысленная в свете новых реалий капиталистич. об-ва, в значит. мере утратившая прежний негативный критич. пафос, дополненная идеями психоанализа, феноменологии, аналитич. философии, совр. социологии.

Согласно Х., экон. закономерности капиталистич. производства модифицировались под влиянием гос-ва, получившего нек-рые возможности планирования и регулирования производства и распределения. Политически это позволяет гос-ву добиваться классового компромисса в рамках существующих формально-демократич. структур. Источник и способы разрешения кризисов, следовательно, переместились из экономич. в административно-управленч. сферу. Изменилась и природа кризисов. Они имеют теперь, считает Х., социо-культурный характер: управление, основанное на принципах производственно-трудоустройственной рациональности, входит в конфликт с реально господствующей в об-ве поведенч. мотивацией. С одной стороны — инструментальная манипуляция, «техн. вопрос», с другой — интересубъективное понимание, «практич. вопрос»; с одной стороны — институциональные структуры об-ва, с другой — социокультурный «жизненный мир». В этом противоречии — источник кризиса легитимации совр. капитализма, не могущего выразить в своих институциональных структурах реальность существующей обществ. практики. Важнейшим элементом учения Х. стала теория коммуникативного поведения, призванная описать альтернативные структуры, не обретшие институционального оформления в ходе становления совр. научно-техн. цивилизации, и одновременно описать «двухступенчатое» строение совр. об-ва: система и жизненный мир, в к-ром реализуется непосредств. коммуникация. Опираясь на имеющиеся в лингвистике и лингвистич. философии анализы речевых актов, а также на данную *М. Вебером* концептуализацию социальных действий, Х. выделяет два типа поведения: коммуникативное и стратегич., и показывает, как стратегически ориентированное поведение (цель к-рого состоит не в достижении взаимопонимания, а в преследовании интереса) ведет либо к сознат., либо бессознат. обману партнера. В первом случае складывается система манипулирования, во втором — систематически извращаемая коммуникация. В том и в др. случае последствия для общества, культуры и личности оказываются роковыми. В сфере социальной интеграции, считает Х., господствуют аномия, отчуждение, утрачивается коллективная идентификация; в сфере культуры — утрата смысла, потеря ориентации и делегитимирование властных структур; в сфере личности — потеря связи с традицией, нарушение мотивационных комплексов и разного рода психопатологии. И наоборот, — в случае поведения, ориентированного на коммуникацию, складываются упорядоченная нормативная среда, устойчивые, легитимированные межличностные отношения, устойчивые личностные структуры, способные к развертыванию и самоосуществлению. В целом анализ коммуникативного и стратегич. поведения дает возможность диагностировать гл. социокультурные проблемы современности, а также обнаружить скрытое насилие системы, к-рое выглядит будто бы неизбежным, поскольку гарантирует интеграцию об-ва. Подлинная же интеграция обеспечивается на путях коммуникативного понимания. Теория Х. обнаруживает эволюц. тенденцию все большего разъединения системы и «жизненного мира», в к-ром сама теория играет важную роль. Как таковая, она представляет собой не лингвосоциол. дополнение к «критич. теории» об-ва, а критич. теорию как таковую в ее эмансипирующем воздействии.

Соч.: Erkenntnis und Interesse. Fr./M., 1968; Technik und Wissenschaft als «Ideologie». Fr./M., 1968; 1981; Zur Logik der Sozialwissenschaften. Fr./M., 1970; Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus. Fr./M., 1973; Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1-2. Fr./M., 1985; Der

philosophischen Diskurs der Moderne. Fr./M., 1988; Nachmetaphysisches Denken. Fr./M., 1988; Texte und Kontexte. Fr./M., 1991; Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Лит.: Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978; Совр. зап. теор. социология. В 1: Юрген Хабермас (библ.). М., 1992; Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995; Glaser W.R. Soziales und instrumentales Handeln. Probleme der Technologie bei Arnold Gehlen und Jürgen Habermas. Stuttg., 1972; Keat R. The Politics of Social Theory: Habermas, Freud and the Critique of Positivism. Chi., 1981; J. Habermas: eine Bibliographie seiner Schriften und der Sekundärliteratur: 1952-81. Fr./M., 1982.

Н. Петров

ХАЙДЕГГЕР (Heidegger) Мартин (1889-1976) - нем. философ, представитель постгуссерлевской феноменологии и экзистенциализма. Учился в лицеях иезуитов в Констанце и Фрейбурге, слушал теологию, математику, философию в ун-те Фрейбурга. В 1923-1928 проф. Марбург. ун-та, в 1928-1945 проф., а с 1933 — ректор Фрейбург. ун-та. Оказал значит. влияние на совр. философию и гуманитарную науку в целом. В его глубокой и ориг. концепции «техн. цивилизации» и кризиса совр. зап. культуры во многом поставлены те глобальные проблемы, с к-рыми человечество столкнулось на исходе 20 в. По убеждению Х., угроза человеку идет не только от возможного губительного воздействия техн. новшеств и изобретений — высшая опасность угрожает сущности человека и его подлинному бытию. Проблема культуры рассматривается Х. в контексте его учения о бытии и обоснования сущности совр. техники. Полное «забвение истины бытия», к-рое угрожает человечеству в совр. «техн. цивилизации», связывается Х. с т.н. метафизич. традицией, идущей еще от Платона и Аристотеля. Этот метафизич. способ мышления, мировосприятия и мироотношения в целом и поныне лежит в основе всей европ. культуры, ориентируя ее на прогрессирующее развитие науки и техники и порождая многочисл. кризисные явления: бессмысленность существования, обезличение человека и примитивизация его духовного мира, коммерциализация искусства и засилье массовой культуры, угроза голого техницизма и сциентизация образования, распад и умирание языка. Вся метафизика, считает Х., мыслит сущее в целом, в т.ч. сущность человека, не задаваясь вопросом о бытии сущего. Не задумываясь о различии того и другого, заслоняя вопрос об «истине самого бытия», метафизика никогда не спрашивает и о том, в каком смысле существо человека принадлежит истине бытия. Первую задачу философии Х. видит в том, чтобы обратиться к бытию, к-рое должно стать делом человек. мысли, и тем самым открыть предназначение и долг человека как хранителя сущности бытия. Обосновывая собств. понятие бытия, Х. в свойственной ему герменевтич. Манере обращается к интерпретации др.-греч. термина «фюсис» (природы). «Фюсис» есть не что иное, как про-из-ведение, понимаемое во всем богатстве смысла, придаваемого ему греками, но впоследствии утраченного. «Фюсис» как про-из-ведение — есть самобытное вырастание, осуществление, развертывание, выведение чего-то до полноты его существа. В присутствующем «по природе» про-из-ведение берет начало в себе самом. В ремесленном изготовлении, в худож. преображении изящных искусств, в развертывающемся формировании сущности человека в процессе образования и в культуре вообще, понимаемой как богатство оберегаемых смыслов и творч. деятельности, про-из-ведение берет начало в другом: мастере, художнике, учителе, народе. Именно в таком понимании «фюсис» и есть для Х. искомое — бытие, лежащее в основании всего сущего: неживой и живой природы, истории, культуры, науки, техники, искусства, образования. Для «фундаментальной онтологии» Х. важно и то, что само событие про-из-ведения происходит лишь в той мере, в какой потаенное переходит в непотаенное, в явленность своей сущности. Несокрытость — подлинное бытие всякого сущего, к-рое выступает не в том или ином ограниченном виде, но раскрывается во всей полноте, целостности и самобытности своего существования, не заслоняясь другим сущим, не затемняясь суетным и сиюминутным. Это обнаружение, выведение из потаенности в непотаенность, из сокрытости в открытость, к-рое носит отнюдь не гносеологич., а онтологич. характер, греки называли понятием «алетейя», или «истина» в ее исконном, первонач. значении. Обосновывая «онтологич.», «метатехнич.» сущность совр. техники и проясняя ее влияние на судьбы культуры, Х. обращается к этимологии слова «техне». Древние греки не случайно одним понятием «техне» определяли и ремесленное мастерство, и изящные искусства. Ведь «техне» тоже относится к про-из-ведению, ибо ее суть никогда не сводится просто к к.-л. деланию. «Техне» — это не техн. сторона дела, как ее теперь понимают, это не инструментальные действия, связанные с опр. последовательностью операций и применением всевозможных средств. «Техне» — это один из способов раскрытия потаенного, область, где сбывается «алетейя», совершается истина бытия. Сущность совр. техники не есть нечто техн., инструментальное, совр. техника — это тоже опр. вид раскрытия потаенного. Пристально всмотревшись в эту осн. черту совр. техники, человечество сможет осознать ее новизну и тем самым подготовить возможность свободного отношения к ней. Специфику способа, каким осуществляет выведение из сокрытости совр. техника, Х. усматривает в том, что человек здесь сосредоточивается исключительно на добывающем и поставляющем производстве, внутри к-рого все действительное — и природа, и феномены культуры, и сам человек — обнаруживает себя лишь в качестве «наличного состояния», или «состоящего-в-наличии». Этот способ раскрытия, к-рый действует внутри совр. техники, охватывая самые разнообр. формы поведения и культурной деятельнос-

ти человека и направляя его на обнаружение всего, что выходит из сокрытости, единственно в качестве объектного «наличного состояния», Х. обозначает многозначным термином «Ge-stell», или по-став. По-став определяет существо совр. техники, не представляя собою ничего технического: это не что иное, как «захватывающий вызов», «изначально собирающее начало», «всеобъемлющая установка», к-рая заставляет человека ко всему существующему относиться лишь с одной единств. мерой «затребования» или объектного «наличного состояния». Т.о., Х. рассматривает технику как некое онтологич. требование, обращенное к человеку и посылающее его на опр. путь бытийствования, обнаружения истины сущего и собстп. самораскрытия. Х. именно потому так настойчиво стремится отмежеваться от «инструментальной» трактовки техники, что считает важным показать не связь техники с материальным производством как таковым, а социальные и культурные последствия развития феномена техники в совр. цивилизации. В онтологич. обосновании сущности совр. техники Х. фиксирует внимание на такой глубинной сфере человек. существования, как область предельных смыслов и всеохватывающих установок, сохранение и воссоздание к-рых во многом определяет культурно-истор. тип об-ва, его духовную ситуацию, отношение к природе, другим сооб-вам и культурам. Предпринимая феноменологич. описание совр. техн. цивилизации, Х. показывает не только ограниченность, но и опасность узкопрагматич., односторонне утилитарных установок и ценностей, лежащих в ее основании и постоянно воспроизводящихся в многообр. видах деятельности и феноменах культуры. Отмежевываясь от техникстских установок Х. анализирует характер отношения совр. цивилизации к природе. В техн. цивилизации уже вся природа — воздух, реки, земные недра, почва — поставлена на службу добывающему и поставляющему производству: все извлекается и перерабатывается, накапливается и распределяется и т.д. В бесконечной цепи поставляющего обнаружения уже не может быть и речи о возделывании и заботе, о поэтич. видении и восхищении природой. В системе всеобщей полезности нет уже ничего такого, что имело бы ценность само по себе. Господствующая над всем установка на затребование, максимальную выгоду, надобность, отдачу, элиминирует более высокое, сверхпрагматическое, нравственно-эстетич. отношение к природе. Оценивая опасность, угрожающую природе и жизни человечества в совр. техн. цивилизации, Х. называет ее «чужовищной», «ужасающей», «смертельной». Вместе с тем подлинная опасность, по убеждению Х., подступила к человеку в самой его сущности. Ведь с т.зр. затребования, или наличного состояния в поставляющее раскрытие вовлечена не только природа, но и сам человек. Само поставляющее обнаружение может происходить лишь постольку, поскольку сам человек еще изначально, чем природа, затребован в наличное состояние. Привычность употребления в совр. языке таких выражений, как «человек. материал», «личный состав» и т.п., свидетельствует об этом как нельзя лучше. Будучи поставителем наличности, элементом всеобщей системы затребования, человек находится на грани падения, ибо готов сам себя воспринимать просто как нечто состоящее в наличии. Уже сегодня человек настолько глубоко захвачен поставляющим обнаружением, что нигде не встречается с самим собой, со своей сущностью. А между тем самодовольство и самонасаждение человека, возмнившего себя «властелином земли», никогда еще не были столь безмерными, как в эти минуты наивысшей опасности, нависшей над ним. Человек уже оказывается неспособным воспринять вызов, обращенный к нему по-ставом. По-став как сущность совр. техники подвергает опасности не только человека в его отношении к самому себе и ко всему сущему. Гл. опасность по-става заключается в том, что он закрывает для человека саму возможность вернуться к изначальному, полному и сокровенному обнаружению истины бытия и тем самым ощутить свое высшее предназначение в качестве «хранителя», или «пастыря» бытия. Там, где господствует поставляющее обнаружение, изгоняется всякая другая возможность раскрытия истины бытия, поскольку человек все сущее начинает измерять одной-единств. мерой полезности, затребования, наличности. Констатируя, что всеобщее засилье голой техники в совр. зап. цивилизации неотвратимо, Х. вместе с тем считает, что мы можем и должны задаваться вопросом о спасительном. Так, мужественно всмотревшись в сущность совр. техники и ни на минуту не забывая о высшей опасности, грозящей человеку, мы уже делаем первые шаги к спасению. Однако подлинное размежевание с техникой должно произойти в тех областях культуры, к-рые являются более высокими по сравнению с техникой способами осуществления истины как несокрытости бытия. Одним из существенных способов, каким совершается истина, утверждая сущность человека среди всего остального сущего, Х. считает подлинное искусство, другим таким способом — подлинное образование, к-рое древние греки называли словом «пайдейя». Такой переход из области техники в область искусства и образования для культурологич. концепции Х. естествен и органичен, поскольку сущность техники для него не есть техническое, а сущность истины не есть гносеологическое. В онтологии бытия и культуры Х. интересует такое проблемное поле, как сфера предельных смыслов, определяющих некий целостный способ отношения человека к самому себе и всему существующему. Искусство и образование относятся Х. к тем уникальным областям человек. существования, каждая из к-рых по-своему призвана удерживать, воссоздавать и излучать богатство культурных смыслов, приобщая человека к высшей мудрости нелогистического разума и непреходящим истинам бытия. Огромная роль в исторически совершающемся культурном бытии каждого народа принадлежит его родному языку. Определяя сущность языка как «язык сущности», как «дом бытия», как «глагол мира и глагол земли», Х. отмечает, что каждый язык есть совершение такого «глаголения», в к-ром перед всяким народом вос-

ходит его мир и в к-ром сберегается его земля. Это набрасывающее «сказывание» таково, что оно не только осуществляет «речение», приготавливая изреченное, но приносит в мир и все неизреченное как таковое. Именно в языке как «оказывании» и «речении» запечатлена уникальная сущность каждого народа и каждой культуры, позволяющая понять их значение в мировой истории. Осознание опасности техницистской, утилитарно-прагматич. направленности совр. культуры, многочисл. последствия к-рой проявились сегодня в своих наиболее крайних формах, признание жизненной важности для судеб человечества наполнения культуры высшими, сверхпрагматич., духовно-нравств. смыслами, защита уникального бытия природы, самобытности культуры и языка каждого народа — все это несомненная заслуга концепции Х., оказавшей существенное влияние на развитие филос. мысли, культурологии и гуманитарис-тики 20 в.

Со4.: Platons Lehre von der Wahrheit. Bern, 1947; Holzwege. Fr./M., 1957; Die Technik und die Kehre. Pfullingen, 1962; Über den Humanismus. Fr./ML, 1975; Gesamtausgabe. Bd. 1-79. Fr./M., 1985-94; Исток худож. творения // Зарубеж. эстетика и теория лит-ры XIX-XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М., 1987; Разговор на проселочной дороге. М., 1991; Время и бытие. М., 1993.

Лит.: Гайденок П.П. Экзистенциализм и пробл. культуры (Критика философии М. Хайдеггера). М., 1963; Михайлов А.В. Мартин Хайдеггер: Человек в мире. М., 1990; Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978; Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: Критич. очерк экзистенциального психоанализа. М., 1985; Тавризян Г.М. Техника, культура, человек. М., 1986; Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991; Социальная теория и современность. Вып. 20: Феноменологическая онтология Мартина Хайдеггера: Истоки, смысл, значение. М., 1995; Buckley R.Ph. Husserl, Heidegger and the Crisis of Philosophical Responsibility. Dordrecht etc., 1992; The Cambridge Companion to Heidegger. Camb., 1993; Suchock W. W miejsca sumienia. Poznan, 1996.

В.Л. Кошелева

ХАНТИНГТОН (Huntington) Сэмюэл Филип (р. 1927) — амер. политолог, исследователь-аналитик, директор Ин-та стратегич. исследований при Гарвард, ун-те. Учился в Йельском, Чикаг., Гарвард, ун-тах. В 1970 основал журн. «Внешняя политика», до 1977 был его соиздателем. В 1984 избран вице-президентом, а в 1985 — президентом Амер. ассоциации полит. наук. Работы Х. — «Полит. порядок в изменяющихся обществах» (1968), «Кризис демократии» (1975) положили начало «неоконсервативной волне» сер. 70-80-х гг., обнажили опасности, проистекающие от нарушения баланса между правящими институтами и силами оппозиции и подчеркнули важность сохранения устоев, традиций полит. культуры от напора экстремистских движений.

Особый интерес представляют исследования цивилизационных процессов. Х. отдает предпочтение цивилизационному подходу, предлагая новую парадигму для теор. анализа и прогнозирования миропорядка на рубеже 20 и 21 вв. Он полагает, что деление мира в период «холодной войны» на страны «первого» (Запад), «второго» (социалистический лагерь) и «третьего» мира больше не отвечает реальностям, и теперь намного разумнее сгруппировать страны, исходя не из их полит. или экон. систем, или принимая во внимание уровень их экон. развития, но с т.зр. их культуры и цивилизации. Х. рассматривает цивилизацию как наивысшее культурное образование, объединяющее людей и обеспечивающее им опр. степень культурной самобытности. Цивилизация определяется как общими объективными элементами, такими, как язык, история, религия, обычаи, обществ. институты, так и субъективной самоидентификацией людей. Цивилизационная *идентичность*, по мнению Х., будет играть все более важную роль в будущем, и мир будет формироваться в значит. степени под влиянием взаимодействия семи-восьми гл. цивилизаций — зап., конфуцианской, яп., ислам., индусской, славяно-православной, лат.-амер. и, возможно, африканской. И наиболее крупные и значит. по последствиям конфликты будущего произойдут на своего рода культурных границах, разделяющих эти цивилизации. Окончание «холодной войны» означало завершение политико-идеол. раздела Европы, но зато вновь появилось культурное разделение между зап. христианством, с одной стороны, и православием и исламом, с другой. «Бархатный занавес» культуры, пришедший на смену «железному занавесу» идеологии, может оказаться не только границей, разделяющей разные культуры и цивилизации, но и, как показали события в Югославии, линией кровавых конфликтов. Противоборство между зап. и исламской цивилизациями длится уже 1300 лет — от араб. завоеваний до войны в Персид. заливе: маловероятно, что оно пойдет на убыль, скорее станет более опасным и жестоким, чему способствуют демогр. процессы. Рост населения в араб. странах, особенно в Сев. Африке, привел к увеличению миграционного потока в Зап. Европу, следствием чего стали все более сильные и частые проявления расизма в Италии, Франции и Германии, начиная с 1990.

Истор. столкновение между мусульманами и индусами на субконтиненте проявляет себя не только в противостоянии Пакистана и Индии, но и в религ. раздорах внутри последней между индусами и мусульманским меньшинством. Жестокость и насилие характерны для отношений мусульман с евреями в Израиле, сербами на Балканах. У ислама, считает Х., — «кровавые границы». Противоборство цивилизаций усиливается. Особенно «взрывоопасно» положение в странах, населенных большим числом народов, относящих себя к разным цивилизациям, культурам, этносам, а также тех, в к-рых, несмотря на большую степень культурной

однородности, существуют весьма острые разногласия по вопросу, к какой цивилизации принадлежат их об-ва. К последним Х. относит, в частности, и Россию. По мнению Х., если русские, отвергнув марксизм, а за ним и либеральную демократию, начнут вести себя как русские, то есть в соответствии со своими нац. интересами, то отношения между Россией и Западом могут опять стать «прохладными» и конфликтными.

Анализируя складывающуюся в мире ситуацию, Х. отмечает, что мнение, согласно к-рому модернизация и экон. развитие способствуют укреплению однородности и порождают общую совр. культуру, оказалось неверным: напротив, по мере самоутверждения местных традиций, зап. культура подвергается эрозии. За упадком зап. могущества последует и отступление зап. культуры. Все это потребует от Запада не только поддержания экон. и военной мощи на уровне, необходимом для защиты своих интересов от «посягательств» других цивилизаций, но и подтолкнет его к более глубокому пониманию их религ. и филос. основ и тех сфер, в к-рых народы этих цивилизаций усматривают свои интересы. В этих условиях особенно актуальны поиски путей к сосуществованию разл. цивилизаций, выявление элементов общности зап. и иных цивилизаций. Он полагает, что в обозримом будущем не возникнет единая универсальная цивилизация, напротив, усилится их столкновение. Рост конфликтности во взаимоотношениях между цивилизациями отражает глубинные процессы, происходящие в экон. и культурной сферах. Процессы экон. модернизации и социальных изменений отрывают людей от их корней, ослабляя в то же время нац. государство как важный источник самоидентификации. Во многих частях света эту утрату самобытности пытается восполнить религия, нередко в форме «фундаменталистских» движений. Возрождение религ. чувств создает базис для сохранения самобытности в форме совместной причастности к к.-л. цивилизации, но иногда этому сопутствует неприязненное отношение к представителям иных культур. Различия, существующие между цивилизациями в истор. опыте, языке, культуре, религии, традициях, имеют глубокие корни. Они более существенны, чем различия между идеологиями и полит. режимами, и не обязательно перерастают в конфликты, но если подобное случается, именно цивилизационные различия придают им ожесточенный и затяжной характер. Различия культурного свойства, в противовес экон. и политическим, наименее подвержены переменам. Х. отмечает тенденцию возвращения к истокам нац. бытия в незап. странах, что проявляется в «азиатизации» Японии, «индусизации» Индии, «реисламизации» Ср. Востока после краха зап. идей социализма и либерализма. Запад все чаще сталкивается с противостоянием этих стран, стремящихся строить жизнь по своим, а не западным рецептам. Этому способствует и «туземизация» местных элит, к-рые в прошлом, получая образование в Оксфорде или Сорбонне, были гл. проводниками зап. влияния.

Соч.: American Politics: the Promise of Disharmony. Cambridge (Mass.); L., 1981; The Third Wave. Democratization in the late twentieth century. Norman; London, 1991; The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. V. 72. № 3; If not Civilizations, What?: Paradigms of the Post-cold War World// Ibid. № 5.

Т.М. Фадеева

ХАРРИС (Harris) Марвин (р. 1927) — амер. культур-антрополог, проф. Колумбийского ун-та, в 1963-66 возглавлял отделение антропологии ун-та. Выступал с лекциями во всех наиболее значит. колледжах и ун-тах США. Полевые исследования проводил в Мозамбике, Бразилии, Эквадоре и Индии. Известен своими работами в области этнографии, этнологии и теории культуры по след. направлениям: расовые взаимоотношения в Бразилии; культурная экология; экон. антропология; история теор. мысли в антропологии и т.д. Осн. методол. подход Х. в научной лит-ре (в т.ч. в отечественной) приравнивается к культурному детерминизму и часто сопоставляется с марксизмом. Х. определяет свою исследоват. стратегию как культурный материализм. С его т. зр. культурный материализм связывает в единое целое экологич. и социокультурное направление в антропологии.

Х. основывается на материалистич. объяснении социальной действительности. Его теория строится на исследовании взаимосвязи демогр. давления на природную среду и ее реакции в опр. социокультурных системах. Исходя из физич. сущности человека (потребности в пище и т.д.) выявляет четыре универсальных уровня челоуеч. организации: 1) инфраструктура производства и воспроизводства (человека); 2) структура бытовой и полит. экономии; 3) суперструктура социальных отношений; 4) ментальная (интеллектуальная) или эмическая суперструктура. Каждый из этих уровней — детерминанта для последующего. Практически теория Х. представляет собой вариант экологич. детерминизма. Х. приводит аргументацию экологич. характера для выяснения причин возникновения запретов на пищу, разнообразных табу и каннибализма, к-рые согласно сложившейся антропол. традиции, интерпретировались как рез-т религ. практики. Х. полагал, что культурная эволюция человека происходит в рамках канала, границы к-рого определяются культурными и экологич. условиями, в то время как способы производства определяют природу этого канала.

Х. не был формально учеником *Л. Уайта*, но фактически разрабатывает проблемы, являющиеся центральными для культурно-эволюционного направления в культурной антропологии США.

Соч.: The Rise of Anthropological Theory. N.Y., 1968; Cows, Pigs, Wars and Witches: The Riddles of Culture. N.Y., 1974; Cultural Materialism: The Struggle for a Science of Culture. N.Y., 1980; America Now: The Anthropology of a Changing Culture. N.Y., 1981; Cultural Anthropology. N.Y., etc., 1983.

Л.А. Мостоева

ХЕЙЕРДАЛ (Heyerdahl) Тур (р. 1914) - норв. этнограф и зоолог. В 1937-38 X. заинтересовался населением островов Полинезии и его происхождением. В 1939-40 он предпринял ряд археол. и этногр. экспедиций для изучения индейского населения побережья Британской Колумбии. После тщательного анализа материала, собранного в Полинезии, на Амер. континенте и в Юго-Вост. Азии, X. выдвинул гипотезу о том, что Полинезия была заселена из Америки, а не из Юго-Вост. Азии. Для подтверждения гипотезы он переплыл Тихий океан на плоту «Кон-Тики». Книга X. «Путешествие на «Кон-Тики» (1948) переведена на 60 языков.

В 1952 X. издает книгу «Амер. индейцы в Тихом океане: теория на основе экспедиции на «Кон-Тики», в к-рой он представляет свою гипотезу ученым, подтверждая ее обширными материалами из археологии, этнографии, истории, мифологии, физиол. антропологии, фактами из зоологии и ботаники, анализом океанских течений и направлений ветра. На основании своих исследований X. утверждает, что первое заселение Полинезии из Перу датируется приблизительно 500 г. н.э., а второе переселение с северного побережья Сев. Америки произошло в районе 1000-1300 гг. Взгляды X. на историю культуры Полинезии вызвали острые дискуссии среди ученых. В 1953 X. совершает экспедицию на Галапагосские о-ва, рез-ты к-рой он публикует в книге «Археол. свидетельства доисп. путешествий на Галапагосские о-ва». В мае 1969 X. отправляется в путешествие из Марокко в Америку на плоту «Ра», построенном из тростника по древнему образцу. Путешествие заканчивается неудачей. Он повторяет попытку в 1970 на плоту «Ра II», доказывая тем самым, что подобные суда были в состоянии преодолеть Канарское течение 5000 лет назад. По мнению X., это объясняет археол. находки в Америке, к-рые подтверждают существование связи между материками в древние времена. В ноябре 1977 X. совершает путешествие на плоту «Тигрис».

Труды X. являются значимым этапом в развитии культурологии. В его исследованиях преобладают культур и возможности трансокеанских миграций народов между Старым и Новым Светом большое место занимает теор. осмысление культурных связей, сходное с панегипетской диффузной теорией Г. Эллиота Смита.

Соч.: American Indians in the Pacific: The Theory Behind the Kon-Tiki Expedition. L, Chi., 1952; Archaeological Evidence of Pre-Spanish Visits to the Galapagos Islands. Salt Lake City (Utah), 1956; Древний человек и океан. М., 1982 (библ.); Мальдивская загадка. М., 1988 (библ.).

Лит.: Jacoby A. Senor Kon-Tiki. Boken om T. Heyerdahl. Oslo, 1965; Klausen A.M. Antropologiens historie. Oslo, 1981; Thor Heyerdahl: Eventyret og livsverket. Oslo, 1990.

Е. С. Рачинская

ХЕЙЗИНГА (Huizinga) Йохан (1872-1945) - нидерл. ученый, историк, теоретик культуры. Проф. кафедры всеобщей истории в Гронинген. (с 1905) и Лейден, (с 1915) ун-тах. Важнейшие сферы деятельности X.: собственно историография, разработка концепции развития мировой культуры, критич. анализ совр. эпохи. Внес много нового в понимание предмета и метода истор. науки. Глобальное исследование роли мифа, фантазии в мировой цивилизации выявляет значимую общность интересов с *Моссом* и *Леви-Строссом*. Его обращение к социальной психологии, исследование мен-тальности, уклада ср.-век. жизни позволяют видеть в нем непосредств. предшественника франц. истор. *Школы Анналов*. Для X. характерен интерес к «зрелым и надламывающимся», переломным эпохам, когда сталкиваются традиции с обновленческими тенденциями в жизни об-ва (напр., Реформация, Ренессанс, ситуация в Нидерландах в 17 в.). Не без влияния *Шпенглера* X. обращается к проблеме типологизации культур, морфологич. анализу культурно-истор. эпох. Для X. характерно обращение к изучению и анализу социальных утопий, чаяний в истории цивилизации, «вечных» тем мировой культуры (мечта о «золотом веке», буколич. идеал возврата к природе, евангельский идеал бедности, коренящийся в древнейших пластах культуры рыцарский идеал, идеал возрождения античности и др.). Особое значение в возникновении и развитии мировой культуры X. придает игре. Ее цивилизационную роль он видит в следовании добровольно установленным правилам, в обуздании стихии страстей. Игра — основа человеч. общежития. X. подчеркивает антиавторитарный характер игры, допущение возможности иного выбора, отсутствие гнета «серьезности» — фетишистских представлений. Многие работы X. 30-40-х гг. содержат критику массовой культуры; книга «В тени завтрашнего дня» близка в этом отношении работам *Ортеги-и-Гассета*, *Ясперса*, *Марселя* и др. X. — страстный и последоват. антифашист. Оsn. причины кризиса совр. зап. цивилизации X. видит в ясно обозначившихся тенденциях к **иррационализму и интуитивизму** в философии и обществ. жизни, в культе дологического, воинствующей мифологии, особенно в Германии 30-х гг. Он указывает на неизбежное следствие этого: релятивизацию нравств. ценностей, коллективный эгоизм, «гиперационализм», обнаруживающий себя также в междунар. политике. Свидетель тоталитарных режимов, X. подчеркивает, что 20 в. сделал истор. науку орудием лжи; от имени истории воздвигаются «кровожадные идолы, к-рые грозят поглотить культуру»; история подменяется демагогич. смешением религии, мифологии, науки. X. сохраняет глубокую веру в возможности истории как объективного знания и в нравств. миссию истор. познания как одной из форм преодоления человеком пределов своей жизни, «трансцендирования» своих возможностей. X. призывает к ответственности историков перед об-вом, перед будущим. Понятие культуры для X. связано прежде всего с самосознанием свободного, нравственно ответств. индивида как члена человеч. коллектива.

Высокий уровень культуры в ту или иную эпоху обеспечивается равновесием между духовными и материальными ценностями: не «абсолютной» высотой, достигнутой культурой либо отдельным ее фактором (религией, искусством, техникой и др.), а согласованностью культурных функций, положительно сказывающейся на прочности структуры, на стиле и ритме жизни данного об-ва. Кризис совр. науки обусловлен ее стремлением выйти за пределы познаваемого разумом. В точных науках, прежде всего в физике, Х. склонен видеть «кризис роста». Наука, отличающаяся свободой разума, интернац. характером исследований, однако еще не консолидировалась настолько, чтобы стать источником культуры; более того, совр. направление развития наук действует скорее в плане дестабилизации основ интеллектуальной жизни, культуры. Одним из важнейших условий спасения мировой цивилизации Х. считает интернационализм, к-рый понимает как сохранение, в меру возможного, всего индивидуально-национального, с принесением эгоистич. интересов в жертву общечеловеч. благу, миру на Земле. Полит. партии, организации, гос-ва, церкви недостаточно эффективны для создания основ чело-веч. цивилизации; подъем уровня цивилизованности не связан с победой одного гос-ва, одной расы, одного класса. Основой культуры должно стать господство человека над самим собой.

Соч.: *Cultuur-historische verkenningen*. Haarlem, 1929; *In de schaduw van morgen*. Haarlem., 1935; *Homo Ludens*. Haarlem, 1938; *Nederland's beschaving in de 17-e eeuw*. Haarlem, 1941; *Осень средневековья*. М., 1988; *Homo Ludens в тени завтрашнего дня*. М., 1992.

Лит.: Аверинцев С.С. *Культурология И. Хейзинги*// ВФ, 1969, № 3; Тавризян Г.М. О. Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989; Krul W.E. *Historicus tegen de tijd*. Groningen, 1990.

Г. М. Тавризян

ХОРКХАЙМЕР (Horkheimer) Макс (1895-1973) - нем. философ и социолог, основатель *франкфуртской школы*, возникшей на базе Института социальных исследований при Франкфуртском университете им. Гёте; проф., зав. кафедрой социальной философии, ректор ун-та (1951-53), директор Ин-та в 1931-53, с 1953-63 совместно с Адорно, издатель печатного органа школы «Журнала социальных исследований» (1932-43, Лейпциг, Париж, Нью-Йорк — «*Studies in Philosophie and Social Research*»), переиздан в 1970 г. в ФРГ, в 10-ти тт.). Сфера теор. интересов Х. — Кант — Гегель — Маркс — зап. марксизм (через раннего Лукача и Корша); Шопенгауэр — Ницше — *Бергсон*; *Дильтей*, *М. Вебер*, Э. Блох. До эмиграции из Германии в 1932 в связи с приходом к власти фашистов опубликовал работы «Кантова критика способности суждения как связующее звено между теор. и практич. философией» (1925) и «Начала бурж. философии истории» (1930), в к-рых проявился гл. принцип его отношения к действительности — критицизм, а также культурно-пессимистич. концепция истории. В соответствии с принципом — критицизм на основе исследования реальной социальной практики — формировалась и школа, направление к-рой в целом определялось напряженной истор. обстановкой (экон. кризис, падение Веймар, республики и упадок демократии, экспансия фашизма в Европе, Вторая мир. война, обострение идеол. противоречий). В деятельности школы как раз и выразилась интеллектуальная реакция на эти события и оценка сложившегося кризиса, а также попытки теоретически осмыслить возможности его преодоления.

Х. — выдвинул ряд идей, определивших ориентацию школы и ее деятельность как «практич. социальной философии». Социально-филос. понимание обществ. жизни предполагало комплексный, междисциплинарный подход к изучению разл. аспектов совр. об-ва, осуществляемый силами сооб-в ученых разных областей: философов, социологов, психологов, экономистов, историков. Х. разработал обширную программу «социальных исследований» («*Sozialforschung*»), к-рая осуществлялась в 30-70-х гг. в Германии и США, рез-ты ее публиковались в спец. серии «Франкфурт, заметок по социологии» («*Sociologica*»). Тематика исследований была конкретизирована, охватывала область культуры в широком понимании, включая науку, религию, искусство, право, мораль, обществ. мнение, стиль жизни, спорт, моду, развлечения. Наибольшую известность получили коллективные «штудии» по проблемам «авторитета и семьи» (1936), связанные с идеями Х. об эгоизме, агрессии, насилии и с психоаналитич. характеристикой Фромы, его концепциями авторитарной личности и этики, социально-психол. значения теории матриархата и др.

Статьи Х. 30-х гг. посвящены критико-рефлексивному рассмотрению проблем истины, научного познания, социальных функций философии, отношений метафизики, социологии и психоанализа с т.зр. социальной философии. Большое внимание уделяется философии Гегеля: Х. считал школу «гегелевской» и в разработке способов формирования диалектически целостного знания, исследовании структурных связей об-ва, философии истории и создании модели либерального бурж. гос-ва опирался на гегелевские традиции. Однако, осуществляя провозглашенные школой цели — «заботу о счастье людей» (Маркузе), сформулировал новое соотношение: человек — критика — диалектика. В эмиграции, сначала в Женеве и Париже, затем в США — Колумбийском ун-те в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, Х. опубликовал ряд программных для всей школы работ, среди к-рых особое место занимает ст. «Традиц. и критич. теория» (1937). В ней Х. выразил критич. отношение к «традиц.» философии и социологии, науке вообще, как позитивистски ориентированной, и сформулировал новые методол. принципы, нацеленные на понимание совр. обществ, ситуации, гл. обр. — взаимосвязей и взаимозависимостей между социально-экон. и культурными структурами в условиях высокоразвитого

капиталистич. об-ва. Ставилась задача создания целостной теории совр. об-ва, к-рая диалектически соединяла бы в себе проводимые в разных областях конкр. социальные исследования с теоретически строгим осмыслением реальности и в то же время была бы независима от политики и идеологии. Новая теория строилась с учетом практич. контекста, была нацелена на изучение изменений и особенностей совр. социокультурной ситуации и в рез-те должна была стать адекватной социальной практике 20 в. Более того, критич. рефлексия должна была привести к выявлению новых возможностей, освободит, тенденций, а в перспективе — к новой социальной практике. Все эти постулаты и составили основу «критич. теории» — гл. создания Х. и Франкфурт, школы, к-рая разрабатывалась в течение сорока лет и внесла значит. вклад в филос. осмысление совр. этапа обществ, развития, хотя ее прогностич. цели и остались на стадии некой гипотетич. структуры.

Х. принадлежит заслуга разработки одного из важнейших направлений «критич. теории», связанного с изучением места разума в истории и его воздействия на социально-культурную сферу (ст. «Конец разума», «Разум и инстинкт самосохранения», «Искусство и масс-культура», кн. «Помрачение разума», 1947, — близкая по тематике концепции истории А. Вебера). Интерпретация разума связана у Х. с радикализацией идеи М. Вебера и Лукача о рациональности, получившей в совр. об-ве редуцированное, «ополовиненное» развитие и превратившейся в инструмент для достижения заданных, чаще всего экон., целей («инструментальный разум»). Характерная для совр. об-ва растущая рациональность средств и целей приводит к господству формальной рациональности, исключающей проблему ценностей, что ведет к упадку об-ва, разрушению его культурных структур, личностной сферы человека. Особенно резко эти проблемы поставлены в широко известной работе «Диалектика просвещения: Филос. фрагменты» (1947, совместно с Адорно), в основе к-рой лежит критика совр. об-ва и его культуры, развивающейся стремительно, но односторонне — только как техн. цивилизация, ориентированная на такую рациональность, к-рая подавляет природные начала в человеке, искажает его цели. В концепции развиваются два антиномичных тезиса: первый состоит в утверждении, что просвещение восходит к мифам; второй — что совр. просвещение превращается в миф в результате деструктивного процесса господства, сначала над природой, затем — над человеком: развитие научно-техн. рациональности идет по ложному пути, оно способствует вторжению формальных, абстрактных и несоответствующих подлинной человек. рациональности правил и целей в ранее неподвластные ей области — культуру, язык, философию и др. Этот процесс характеризуется не просто как угроза просвещению, но и тенденция к его саморазрушению, превращению его посредством научно-техн. разума, идеологии и «индустрии культуры» в «массовый обман», т.е. в миф. Одна из первых антициентистских концепций «воскрешения погибшей природы» и подлинно общечеловеч. ценностей получила широкий положит. резонанс, чему немало способствовала также критика «массовой культуры», основанная на следующем положении: становящийся всесторонним процесс отчуждения и овеществления, проникая в область культуры, осуществляет конформизм культурного производства, способствует, с одной стороны, фабрикации «культурных стандартов», с другой — выработке стереотипных реакций и инструментализации формирования мнений. «Массовая культура» трактуется как одна из форм совр. порабощения индивида, духовной несвободы, выступающая под видом свободного выбора потребления, а на самом деле вызывающая регрессивные социально-антропол. изменения. Характерно, что в послевоенные годы, время экон. подъема в США, у Х. усилилось критич. отношение к совр. индустриальному об-ву как об-ву «массового потребления».

По возвращении в Германию Х. поддерживал контакты с научными учреждениями США, руководил исследованиями по антисемитизму («Studies in Prejudice, N.Y., 1949-50, в 5-ти тт.). Ряд работ Х. 1949-67 посвящен анализу новой ситуации в ФРГ и опубликован вместе с переводом на нем. яз. англ. издания «Помрачения разума» («К критике инструментального разума», 1967). В них отразилась эволюция взглядов Х., усиление его скепсиса и неверие в возможность прогрессивных обществ, изменений. Интерпретируя марксизм как общество, теорию, Х., ранее считавший себя марксистом и сторонником революции, особенно в годы национал-социализма, выражает разочарование как в пролетариате, так и в «свободно парящей интеллигенции» (А.Вебер), к-рых раньше был склонен рассматривать как «субъектов истории» и связывал с ними освободительные тенденции обществ, развития. В концепции критики науки отрицается ее нейтральность, подчеркивается социальная обусловленность и ангажированность, ограниченность специальным знанием и позитивизм, а следовательно, неспособность к обоснованию радикальных перемен. Такая трактовка имела не только методол., но и мировоззренч. значение, оказала влияние на многие совр. концепции философии науки. Труды позднего Х. отмечены усилением пессимизма, морализирующего тона, все более неопр. поисками «совершенно Иного», обращением к религии как «теологии надежды» и гуманизма («Мысли о религии», 1935; воспоминания о Тиллихе, 1967; интервью журналу «Шпигель», 1970). И все же его последняя социальная установка — это защита мира свободы как «свободы отдельного» (индивидуальности). Завершающим изданием трудов Х. явилась двухтомная «Критич. теория» (1968, состоящая из его избранных работ 30-40-х гг.). Х. вел большую общественно-просветит. работу, занимал ряд почетных должностей в Германии и США. Его труды оказали значит. влияние на развитие зап. социальной философии и социологии, социально-культурные концепции совр. философов, среди к-рых — представитель второго поколения Франкфурт, школы Хабермас, выдающийся философ 20 в.

Соч.: Gesammelte Schriften. Fr./M., 1987; Horkheimer M., Adorno Th.W. Dialektik der Aufklärung: Philosophische Fragmente. Amst., 1947; Zur Kritik der instrumentellen Vernunft. Fr./M., 1967; Kritische Theorie. Bd. MI. Fr./M., 1968; Traditionelle und kritische Theorie. Vier Aufsätze. Fr./M.; Hamb., 1970; Die Sehnsucht nach dem ganz Anderen. Hamb., 1970.

Лит.: Давыдов Ю.Н. Критика социально-филос. воззрений Франкфурт, школы. М., 1977; Социальная философия Франкфурт, школы. М.; Прага, 1978; Фарман И.П. Теория познания и философия культуры. М., 1986; Schmidt A. Zur Idee der kritischen Theorie: Elemente der Philosophie Max Horkheimers. Fr./M., etc. 1979.

И.П. Фарман

ХОРНИ (Horney) Карен (1885-1952) - немецко-амер. психоаналитик, автор классических трудов в области психологии личности, крупнейший представитель неопрейдизма.

Обучалась на мед. фак-тах ун-тов Фрейбурга, Геттингена, Берлина. В 1918-32 занималась активной клинич. практикой и преподавала в Берлинском психоаналитич. ин-те. В 1932 Х. переехала в США для работы в Психоаналитич. ин-те (Чикаго). В 1934-41 преподавала в Нью-Йоркском психоаналитич. ин-те. Одновременно разрабатывала теорию невротич. расстройств. Из-за несогласия с позициями ортодоксальных последователей *Фрейда* по ряду принципиальных положений была исключена из Амер. психоаналитич. ассоциации и вместе с группой своих единомышленников создала параллельную Ассоциацию развития психоанализа и Амер. ин-т психоанализа (Нью-Йорк), работой к-рого руководила до конца жизни.

В ранних работах Х. исследуются проблемы «женской психологии» с позиций учения Фрейда. Однако изучение механизмов формирования женских неврозов, а также исследования представителей школы культурной антропологии (*Э. Сепир, М. Мид, Р. Бенедикт*) заставили ее усомниться в нек-рых постулатах классич. психоанализа. Одной из первых среди последователей Фрейда Х. пришла к выводу о несостоятельности поиска биол. детерминант развития личности и игнорирования важнейшей роли культурно-истор. факторов. Согласно Х., многие особенности женской психологии связаны не с физиол. различиями полов, а с социальными ролями, задаваемыми культурными традициями, нормами и идеол. установками об-ва. Эти работы положили начало систематич. пересмотру Х. принципов фрейдизма, что в конечном счете привело к созданию радикально отличной от него психоаналитич. концепции, вошедшей в психологию (вместе с работами *Фромма, Г. Салливена* и ряда др. ученых) как неопрейдизм.

Центр, тема исследований Х. — психол. механизмы и условия невротич. развития личности. Ее наиболее значит. вклад в психологию связан с разработкой проблем мотивации, структуры личности, феноменологии бессознательного, сознания и самосознания, с исследованием механизмов образования и динамики развития внутриличностных конфликтов. Последние составляют функциональное ядро неврозов, анализ многообр. феноменологии к-рых в работах Х. носит чрезвычайно яркий и глубокий характер. Обобщив большой клинич. опыт, Х. описала осн. типы невротических наклонностей (потребностей) и структуру мотивационных конфликтов, лежащих в основе «агрессивного», «отстраненного» и «уступчивого» типов невротич. личности. Важное место в ее работах занимает исследование формирования таких защитных механизмов, как создание идеализированного образа собственного Я, экстернализация внутр. конфликта, фрагментация сознания, самоуничтожение и самовозвеличение, деспотич. правота, цинизм и мн. др. Проведенный Х. глубокий анализ психол. причин страхов, переживания вины, состояний безнадежности, наклонностей к моральному садизму и мазохизму, остановки развития и общего оскудения личности имеет большое значение для понимания их природы и психотерапии. В целом концепцию Х. отличает отказ от биологизма, присущего классич. психоанализу, и тонкое проникновение в сферу челоуеч. мотивов и чувств.

Большое значение в формировании личности и возникновении невротич. расстройств Х. придавала социальным факторам. Эта тема является одной из ведущих в первых двух из пяти монографий, написанных Х. В частности, на основе огромного клинич. опыта и теор. анализа Х. пришла к выводу, что значение сексуальности как источника психол. расстройств часто переоценивается: ему ошибочно приписывается та роль, к-рую в действительности играет тревога, порождаемая нарушенными, искаженными отношениями между людьми. Существует множество неблагоприятных для развития ребенка условий (от недостатка любви и заботы со стороны родителей до незаслуженного восхваления и мн. др.), к-рые могут внушить ему чувство беспомощности и одиночества, создать враждебный и пугающий образ окружающего мира. Так зарождается бессознат. «базальная тревога», толкающая ребенка на путь невротич., защитного по своей сути, варианта развития.

Источник невротич. наклонностей ребенка, т.о., обычно кроется в семье, в неправильном воспитании. Но чтобы понять причины деспотизма отца или самопожертвования матери необходим анализ социального и культурно-истор. контекста. Именно своеобразие культуры об-ва определяет характер неврозов, наиболее типичных для его представителей. Более того, культура об-ва нередко сама служит первоисточником нек-рых фундаментальных противоречий, в ходе индивидуального развития воспроизводящихся в форме внутриличностных конфликтов человека. В частности, Х. подчеркивала значение трех типов таких противоречий, весьма характерных для культурно-истор. ситуации большинства зап. стран в пер. пол. 20 в.: противоречие между принципом индивидуализма и соперничества, пронизывающим не только многообр. социальные, проф. и

нередко семейные отношения и внушаемыми христианской идеологией заповедями братской любви, смирения и человечности. Соперничество и стремление к личному успеху неизбежно сопряжены с ревнивым и враждебным отношением к другим людям, со страхом и стыдом неудачи, подрывающими чувство самоценности, с тревогой и внутр. одиночеством. Не менее мощное разрушит, влияние на формирование личности может оказывать и культ потребления, искусств, стимуляция материальных потребностей, несмотря на фактич. невозможность их удовлетворения для большинства членов об-ва, а также противоречие между провозглашаемой свободой и независимостью всех граждан и резким неравенством их реального положения и возможностей. Смутность или полное отсутствие осознания этих противоречий лишь усугубляет внутр. конфликты человека.

Принципиальное отличие взглядов Х. от психоанализа Фрейда также связано с пониманием роли нравств. ценностей человека. Х. считала, что личностный конфликт неотделим от моральной стороны взаимоотношений с людьми и часто сопровождается расщеплением нравств. сознания, а потому систему ценностей человека нельзя игнорировать в процессе психоаналитич. терапии. Осознание человеком противоречивости своей системы ценностей составляет один из первых шагов на пути достижения внутр. цельности, столь необходимой ему в ситуации любого выбора, а значит является необходимой предпосылкой успешной психотерапии. На поиск путей, ведущих к эффективной помощи страдающим людям, в конечном счете и были направлены усилия Х.: разработка сложных аспектов психоаналитич. терапии, в т.ч. изучение возможностей метода систематич. самоанализа.

Называя человека «пасынком совр. культуры», Х. подчеркивала несовершенство социальной системы и обществ, идеологии, но отвергала представления об изначальном антагонизме человека и культуры. Она не признавала наличия разрушит, по своей природе глубинных инстинктов человека. Х. настаивала на оптимистич. характере созданной ею теории, выражающей веру в позитивное самоосуществление человека, чей огромный творч. потенциал дает возможность в ходе личностного развития преодолеть и жизненные испытания, и сложные внутр. конфликты.

Соч.: *The Neurotic Personality of Our Time*. N.Y., 1937; *New Ways in Psychoanalysis*. N.Y., 1939; *Self-Analysis*. N.Y., 1942; *Our Inner Conflicts: A Constructive Theory of Neurosis*. N.Y., 1945; *Neurosis and Human Growth. The Struggle toward Self-realization*. N.Y., 1950; *Культура и невроз // Психология личности. Тексты*. М., 1982; *Невротическая личность нашего времени. Самоанализ*. М., 1993; *Женская психология*. СПб., 1993; *Наши внутр. конфликты; О психологии женщины // Психоанализ и культура*. М., 1995; *Собр. соч.: В 3 т. Т. 1: Психология женщины. Невротическая личность нашего времени*. М., 1997.

Лит.: Флоренская Т.А. Социологизация фрейдизма в теориях личности К. Хорни и Г.С. Салливена // *Вопр. психологии*. 1974, № 3; *Advances in Psychoanalysis. Contributions to Karen Horney's Holistic Approach*. N.Y., 1965.

Г.В. Бурменская

ХРОНОТОП (дословно «время-пространство») — единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение опр. (культурного, худож.) смысла. Впервые термин Х. был использован в психологии Ухтомским. Широкое распространение в лит.-ведении, а затем в эстетике получил благодаря трудам Бахтина.

В значит. степени рождение этого понятия и его укоренение в иск-ведч. и эстетич. сознании было инспирировано естественнонаучными открытиями нач. 20 в. и кардинальными изменениями представлений о картине мира в целом. В соответствии с ними пространство и время мыслятся как взаимосвязанные координаты единого четырехмерного континуума, содержательно зависимые от описываемой ими реальности. По сути такая трактовка продолжает начатую еще в античности традицию реляционного (в противоположность субстанциальному) понимания пространства и времени (Аристотель, Бл. Августин, Лейбниц и др.). Как взаимосвязанные и взаимоопределяемые трактовал эти категории и Гегель. Акцент, поставленный открытиями Эйнштейна, Минковского и др. на содержат. детерминированности пространства и времени, так же, как и их амбивалентная взаимосвязь, метафорически воспроизведены в Х. у Бахтина. С др. стороны, этот термин соотносится с описанием *В. И. Вернадским* ноосферы, характеризуемой единым пространством-временем, связанным с духовным измерением жизни. Оно принципиально отлично от психол. пространства и времени, к-рые в восприятии имеют свои особенности. Здесь же, как и в бахтинском Х., имеется в виду одновременно духовная и материальная реальность, в центре к-рой находится человек.

Центральной в понимании Х., по Бахтину, является аксиологич. направленность пространственно-временного единства, функция к-рого в худож. произведении состоит в выражении личностной позиции, смысла: «Вступление в сферу смыслов совершается только через ворота Х.». Иначе говоря, содержащиеся в произведении смыслы могут быть объективированы только через их пространственно-временное выражение. Причем, собственными Х. (и раскрываемыми ими смыслами) обладают и автор, и само произведение, и воспринимающий его читатель (слушатель, зритель). Т.о., понимание произведения, его со-циокультурная объективация есть, по Бахтину, одно из проявлений диалогичности бытия.

Х. индивидуален для каждого смысла, поэтому худож. произведение с этой т.зр. имеет многослойную («полифоническую») структуру. Каждый ее уровень представляет собой взаимообратимую связь пространств, и временных параметров, основанную на единстве дискретного и континуального начал, что дает возможность перевода пространств, параметров во временные

формы и наоборот. Чем больше в произведении обнаруживается таких слоев (X.), тем более оно многозначно, «многосмысленно».

Каждый вид искусства характеризуется своим типом X., обусловленным его «материей». В соответствии с этим искусство разделяется на: пространственные, в хронотопах к-рых временные качества выражены в пространств, формах; временные, где пространств, параметры «переложены» на временные координаты; и пространственно-временные, в к-рых присутствуют X. того и другого типов.

О хронотопич. строении худож. произведения можно говорить с т.зр. отд. сюжетного мотива (напр., X. порога, дороги, жизненного перелома и др. в поэтике Достоевского); в аспекте его жанровой определенности (по этому признаку Бахтин выделяет жанры авантюрного романа, авантюрно-бытового, биогр., рыцарского и т.д.); в отношении индивидуального стиля автора (карнавальное и мистерийное время у Достоевского и биогр. время у Л. Толстого); в связи с организацией формы произведения, поскольку такие, напр., смыслоносущие категории, как ритм и симметрия есть не что иное, как взаимообратимая связь пространства и времени, основанная на единстве дискретного и континуального начал.

X., выражающие общие черты худож. пространственно-временной организации в данной системе культуры, свидетельствуют и о духе и направлении доминирующих в ней ценностных ориентации. В этом случае пространство и время мыслятся как абстракции, при посредстве к-рых возможно построение картины унифицированного космоса, единой и упорядоченной Вселенной. Напр., пространственно-временное мышление первобытных людей предметно-чувственно и вневременно, так как сознание времени спатIALIZED и одновременно скра-лизовано и эмоционально окрашено. Культурный X. Древнего Востока и античности выстроен мифом, в к-ром время циклично, а пространство (Космос) одушевлено. Ср.-век. христ. сознание сформировало свой X., складывающийся из линейного необратимого времени и иерархически выстроенного, насквозь символического пространства, идеальным выражением к-рого является микрокосм храма. Эпоха Возрождения создала X., во многом актуальный и для современности. Противопоставление человека миру как субъекта — объекту позволило осознать и измерить его пространств, глубину. Одновременно появляется бескачественное расчлененное время. Возникновение характерного для Нового времени единого темпорального мышления и отчужденного от человека пространства сделало эти категории абстракциями, что зафиксировано в ньютоновской физике и картезианской философии.

Совр. культура со всей сложностью и многообразием ее социальных, нац., ментальных и др. отношений характеризуется множеством различных X.; среди них самым показательным является, пожалуй, тот, что выражает образ сжатого пространства и утекающего («утраченного») времени, в к-ром (в противоположность сознанию древних) практически нет настоящего.

Лит.: Ритм, пространство и время в лит-ре и искусстве. Л., 1974; Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982; Гуревич А.Я. Категории ср.-век. культуры. М., 1984; Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по истор. поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критич. статьи. М., 1986; Пространство и время в искусстве. Л., 1988; Трубников Н.Н. Время человек. бытия. М., 1987; Флоренский П.А. Время и пространство // Социол. исследования. 1988. N 1; Time in Science and Philosophy. Prague, 1971.

Н.Д. Ирза

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА - одна из специализированных сфер культуры, функционально решающая задачи интеллект.-чувственного отображения бытия в худож. образах, а также различных аспектов обеспечения этой деятельности.

Изучением X.к. традиционно занимались философия и эстетика (как раздел философии), истор. науки, исковедение и лит-ведение. При этом X.к. рассматривалась в основном как совокупность нескольких видов искусства, к-рые исследовались в онтологич., генетич., историко-хронологич., формально-стилевом, художественно-технол. и иных «внутрихудож.» ракурсах познания. Осн. акцент делался преимущественно на анализе духовно-мировоззренч. и творч. проблем искусства, на худож. качестве произведений и проф. мастерстве их авторов, на психологии творчества, восприятия и интерпретации худож. образов. Более или менее целостное представление об искусстве формировалось в осн. эстетикой (философией искусства) в ракурсе осмысления сущности прекрасного и творчества как способа его выражения. Внетворч. аспекты X.к. (социал., функциональные, коммуникативные и пр.), так же, как и ее место в системе культуры в целом, при этом почти не затрагивались или анализировались только с позиций «духовного производства», противопоставляемого материальному. Существ, сдвиг в научном понимании X.к. произошел с зарождением *семиотики* и семантики культуры, интерпретировавших всю совокупность объектов X.к. как систему смыслоносущих текстов, а феномен худож. образа как специфич. тип семантемы, несущей социально значимую информацию. Это позволило перейти от чисто субъективных, качественных (в существ, мере художественно-критич.) оценок явлений искусства к более объективированным научным исследованиям признаков и параметров X.к. Со своей стороны серьезный вклад в объективизацию подходов к изучению X.к. внесла антропология, рассматривавшая вопросы генезиса и социальных функций худож. деятельности у архаич. сообщ-в. В последние десятилетия появились также работы по социологии искусства и X.к. (в первую очередь массовой X.к.), существенно расширившие ракурс понимания этого феномена в его социаль-но-интегративных и регулятивных функциях.

С культурологич. позиций X.к. структурно включает в себя подсистемы: собственно худож. творчества

(как индивидуального, так и группового); его организационной инфраструктуры (творч. ассоциации и организации по размещению заказов и реализации худож. продукции); его материальной инфраструктуры (производств, и демонстрационные площадки); худож. образования и повышения квалификации (включая практику творч. конкурсов); организованной рефлексии процессов и результатов худож. творчества (худож. критика и пресса, разл. области научного искусствознания); эстетич. воспитания и просвещения (совокупность средств стимулирования интереса населения к искусству); реставрации и сохранения худож. наследия; техн. эстетики и дизайна (художественно оформленной продукции утилитарного предназначения); художественно-творч. самостоятельности населения; гос. политики в области Х.к. и ряд иных подсистем более частного порядка.

Содержат, ядро Х.к. — искусство (включая худож. лит-ру) как один из важнейших механизмов познания феномена человека и окружающего его мира, аккумуляции этого знания и социального опыта людей (прежде всего нравств. аспекта их взаимодействий), порождения и селекции специфич. ценностных установок индивид. и коллективного бытия людей и актуализации этих ценностей путем опредмечивания их в худож. образах. Худож. образы при этом построены на вербальной, изобразит., звуковой или пластич. имитации наблюдаемых или представляемых объектов, процессов, коллизий, ощущений и т.п. с целью проектирования неких эталонных образцов нормативного сознания и поведения (нередко подаваемых в контрасте с их антиподами), имеющих в конечном счете дидактич. предназначение, а также стимулирование с позиций этих ценностных эталонов соответствующей социальной практики людей. Фактически искусство проектирует мир воображаемых реалий (или наблюдаемых, но подвергнутых субъективной авторской интерпретации), выстроенных т. о., чтобы акцентировать внимание людей на тех нравств., этич., эстетич. и иных проблемах, к-рые актуализируются в данном произведении. При этом поднимаемые проблемы подаются в яркой, эмоционально окрашенной форме, инициируя ответное эмоц. переживание зрителя, читателя, слушателя, его осознанное или латентное соотношение самого себя с предметом переживания, и при этом «обучают» его на этом примере, вызывают в нем стремление к подражанию полубившимся ему образам и образцам (т.е. рекомендуемым эталонам). В отличие от других форм познания мира, аналитические расчленяющие его на отд. познаваемые сегменты и объекты, искусство стремится к познанию и образному отображению действительности в ее целостном, синтезированном виде посредством создания ее комплексных моделей со специфически расставленными акцентами противопоставления позитивного начала (способствующего консолидации и взаимопониманию людей) негативному (ведущему в конечном счете к социальной деструкции и разобщению людей).

Социокультурные функции искусства и Х.к. в целом в значит. мере связаны, во-первых, с нравств. осмыслением и обобщением социального опыта людей и формированием на основе этого эталонных образцов ценностно-нормативного поведения и образов сознания, воплощаемых в худож. образах. В этой функции Х.к. коррелирует с религией и философией, хотя и реализует подобные задачи своим специфич. способом. Во-вторых, с задачами социализации и инкультурации личности, введения ее в актуальную для сообщ-ва систему нравств. и эстетич. ценностей, моделей поведения и рефлексивных позиций, в обобщенный в нравств. аспекте реальный социальный опыт человец. взаимодействия, а также в искусственно конструированный нравств. опыт, выстроенный на основе придуманных образов и жизненных коллизий. Это ведет к расширению общего объема такого рода опыта, осваиваемого людьми, увеличению числа показат. примеров, рекомендуемых культурных образцов. Такого рода функция превращает искусство в один из важнейших инструментов социальной регуляции жизни общ-ва, ведет к включению его элементов в работу механизмов воздействия на сознание людей, отличающихся наиболее массовым распространением (в системе массовой образования, средств массовой информации, в инструментарий полит. агитации и пропаганды и т.п.). И в-третьих, важнейшей функцией Х.к. является задача проектирования эстетически организованной (в пространств., декоративном, интеллект., эмоц. и иных аспектах) среды обитания людей, насыщенной эталонными образцами порожденных искусством художественно-культурных ценностей. Эта функция тесно связывает искусство со сферой материального производства и строительства, на стыке с к-рыми существуют дизайн, декоративно-прикладное творчество, архитектура и монументальные жанры изобразит. искусства.

И ценностно-социализирующая, и средоорганизующая функции Х.к. были заложены уже в самом истор. происхождении этого явления. В этой связи необходимо отметить, что худож. деятельность (генерирующая ценности в образном выражении) и искусство (творчество и мастерство) имеют разл. генезис, специфика к-рого в большой мере определила осн. характеристики Х.к. как целостности. Худож. деятельность зародилась еще в верхнем палеолите (40 тыс. лет тому назад) как элемент магико-ритуальной религ. практики (изобразит. и динамич. имитация способов и объектов охоты, символика культа детородных функций женщин и т.п.), из разного рода этикетных церемоний и способов обучения молодежи практич. навыкам охотничьей и иной социальной жизнедеятельности (в устной и демонстрац. формах, превращавшихся также в обрядовые действия). Так или иначе, но речь шла прежде всего о разл. имитационно-игровых формах поведения или изобразит. фиксаций их значимых сущностей. И на протяжении почти всей истории человечества вплоть до конца средневековья худож. деятельность являлась преимущественно отраслью, «обслуживавшей» религ., полит., образоват. и иные социальные функции, выделившись в самостоят. сферу деятельности лишь к началу Нового времени. Даже эпоха античности не являлась в этом смысле исключением, хотя

особенный антропоморфный характер античных религий и их атрибуты порождает иллюзию о преобладании светских черт в Х.к. того времени.

Искусство же как особый тип деятельности, отличающейся творчески-инновативным методом производства продукции, повышенным мастерством исполнения и выраженными индивидуально-авторскими чертами каждого продукта, являющегося по определению уникальным, не подлежащим вариативному воспроизводству произведением, родилось преимущественно из ремесла в эпоху становления городских цивилизаций в 4-3 тыс. до н.э. С началом социального расслоения об-ва, с появлением категории социальной престижности и заказчиков, готовых из соображений этой престижности оплатить изготовление для них предметов потребления, отличающихся повышенным качеством, красотой и иными уникальными характеристиками, выделился и особый вид ремесленного производства по дорогому индивидуальному заказу с характерными признаками авторского стиля исполнителя. Процесс постепенного сближения и слияния этой ремесленной, декоративно-прикладной деятельности с практикой собственно худож. длился на протяжении многих веков, пока не образовался тот синтез худож. образа и ремесла (мастерства!) его исполнения, к-рое называется искусством в совр. понимании этого слова.

Хотя Х.к. и отличается творчески-инновативным подходом к образному моделированию действительности, она является тем не менее высококонформативной сферой деятельности, постоянно регулируемой эстетич. предпочтениями «социального заказа» (в т.ч. худож. модой), выраженными в актуальных суждениях худож. критики и доминирующем худож. стиле; рынком практич. спроса на тех или иных авторов, исполнителей, жанры, произведения и пр.; внутрипроф. критериями качества и мастерства, специфич. технологиями работы с материалом и принципами формирования худож. образов, основанными на исторически сложившихся традициях (академизм), воспроизводимыми прежде всего «классич.» худож. образованием, определяемыми на творч. конкурсах, и пр.; философией искусства, формулирующей его осн. эстетич. категории, и т.п.

Х.к. — одна из наиболее динамичных в изменчивости своих форм областей культурной практики, чутко реагирующей на малейшие изменения социальных, экон., полит. и иных условий жизни сооб-ва и связанных с ними колебаний «социального заказа» и рынка спроса на ту или иную худож. продукцию. Будучи одним из наиболее новаторских направлений в области форм создаваемой продукции, Х.к. одновременно остается и одной из наиболее традиц. сфер культуры в вопросах социально-нравств. содержания произведений, ориентированных на «вечные ценности» человеч. бытия, связанных с устойчивостью осн. антропол. и социальных интересов людей и вытекающих из этого нравств. проблем их межличностного взаимодействия, что выражается в искусстве в такого же рода устойчивости большого числа «типовых» фабульных коллизий, «кочующих» сюжетов, «вечных» образов и тем.

Как и иные специализир. области культуры, Х.к. социально стратифицирована. Ее первонач. разделение на проф. и народное (фольклорное) искусство со временем дополнилось выделением еще более узких зон худож. практики: религ., аристократич (элитарной), детской (для детей), военной (для военных), тюремной (силами самих заключенных) и пр. С сер. 19 в. развивается и такое свое-обр. явление, как **массовая Х.к.**, в к-рой на вполне проф. уровне худож. мастерства излагается упрощенное, инфан-тилизированное смысловое содержание, а худож. образы и формы редуцируются к интеллект, и эстетич. уровню самого непритязат. потребителя.

Если на протяжении большей части своей истории Х.к. представляла собой сферу преимущественно индивид, творч. усилий, где художник помимо собственно проф. задач сам решал все организац., техн. и иные проблемы (у крупных мастеров ситуация несколько облегчалась наличием учеников, на к-рых возлагались разл. подсобные функции), то в течение Нового и новейшего времени Х.к. постепенно превратилась в развитую индустрию изготовления худож. продукции, обеспечение и реализацию к-рой приняли на себя многочисл. служебные подсистемы Х.к., по своему техн. оснащению ныне являющейся одним из наиболее наукоемких производств.

Следует заметить, что Х.к. при любых типах обществ, устройства всегда существовала преимущественно по законам свободного рынка, развиваясь в условиях жесткой творч. конкуренции и «продавая» свою продукцию, как правило, по ценам, регулируемым объективным уровнем спроса. Вместе с тем практически во все времена и во всех сооб-вах светские и церковные власти пытались управлять и манипулировать в своих интересах содержанием и формами худож. творчества, прекрасно понимая исключит, идейно-пропагандистскую эффективность воздействия искусства на сознание и психику людей. Проблема взаимоотношений художника и власти всегда была высокоактуальной в культурах многих народов и порождала феномен «андеграундного» искусства, не признаваемого властями и доминирующими обществ, предпочтениями.

Совр. Х.к. постиндустр. стран одна из наиболее развитых и высокодоходных индустрии социальных услуг. При очевидном затухании традиций народного фольклорного искусства (или, точнее, перемещения практики непроф. худож. творчества из сельской в городскую социальную среду и постепенного слияния этого явления с элементами городской массовой культуры) в Х.к. в целом наметилась тенденция изменения принципа ее внутр. дифференцированности от социально обусловленных жанров к иерархии уровней коммерч. рентабельности тех или иных худож. феноменов (как «высокого», так и «низкого» жанров). Подобное социальное реструктурирование Х.к. связано прежде всего с формированием нац. Х.к. — явления, не встречавшегося в доиндустр. эпоху. Х.к. характерна прежде всего отсутствием выраженных границ социальной стратифицированности субкультурных явлений, опр. уровнем худож. эрудированности и приобщенности к нац. худож. цен-

ностям практически всех членов сообщ-ва, что в конечном счете повышает эффективность социально-интег-ративной функциональности Х.к. Сущест, роль в этом процессе играют средства массового репродуцирования и тиражирования произведений искусства и их дистанционная трансляция электронными СМИ.

В целом, хотя в культурной жизни постиндустриальных стран в последние десятилетия наблюдается опережающее развитие явлений массовой Х.к. как наиболее рентабельной с т. зр. потребит, спроса, «классич.» направления Х.к. остаются вполне актуальной областью культурной практики и выполняют свои ценностно-креативные, социализирующие и инкультурирующие функции в полном объеме, соответствующем объективным социальным потребностям сообщ-в; рассуждения же о кризисе «классич.» жанров Х.к. представляются малообоснованными.

Лит.: Худож. культура в докапиталистич. формациях. Л., 1984; Худож. культура в капиталистич. об-ве. Л., 1986; Художественная культура и гуманизация образования. СПб., 1992; Худож. культура и народное творчество. М., 1994; Худож. культура и просвещение России XX века. Екатеринбург, 1995; Худож. культура русской усадьбы. М., 1995; Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996.

А.Я. Флиер

ХЭППЕНИНГ (англ. — случаться, происходить; в буквальном значении — происходить здесь и сейчас, непреднамеренно) — театрализованное сиюминутное действие на импровизационной основе с активным участием в нем аудитории, направленное на стирание границ между искусством и жизнью. В теории Х сочетаются фрейдистские идеи пансексуализма и экзистенциалистские мотивы абсурдности существования, фено-менологич. редукции, «заклучения в скобки» тех или иных фрагментов действительности. Теория и практика Х. опирается на худож. опыт *футуризма, дадаизма, сюрреализма*, театра абсурда. Стремление к спонтанности, непосредств. физич. контакту с публикой, повышенной действенности искусства выливаются в концепцию карнавализации жизни.

Х возник в США, его рождение датируется 1952 — временем творч. встречи Д. Кейджа, Р. Раушенберга, М. Каннингема, инициировавших проведение построенных на неожиданности и алогизме худож. акций, сочетавших живопись, танец, поэзию, музыку, кино, радио Увлеченный философией дзен-буддизма, Кейдж стремится создать искусство, неотличимое от жизни, являющееся одним из ее проявлений и, подобно ей, непреднамеренное, случайное. Его ученики и последователи — А.Капров (ему принадлежит термин «Х.»), К. Олденбург, И. Оно и др. — реализуют идею Х. как «действенного коллажа» несвязанных между собой сцен, «праздника мгновения», подаренного актерами-любителями. Отказ от пьесы, сценария, диктата режиссера, проф. исполнителей, декораций, театр, костюмов, театр, коробки и др. атрибутов традиц. зрелища связан с установкой на полную свободу, сиюминутность и невозпроизводимость Х. Его материалом служат театральная демонстрация мод и забой скота, обыденный гостиничный быт и эротич. шоу, действие паровой машины и процесс татуировки, происходящие в самых неожиданных местах, от млыоваренного завода до рейсового автобуса, в «натуральных» декорациях. При этом обязательным является участие зрителей, хлопком в ладоши или выкриком останавливающих действие, вмешивающихся в него, демонстрирующих собственный вариант развития событий и т.д. Искусство соединяется с не-искусством. Как подчеркивает Капров в статье «Воспитание не-актера» (1971), «не-искусство больше, чем искусство». Х. — не только эстетич., но и этич. позиция, утопич. практика превращения абсолютной свободы творчества в стиль жизни, способ существования. По мысли Капрова, искусство становится жизнью или по крайней мере ее утверждением.

Вместе с тем ряд художников (Макуинас, Оно, Хиггинс и др.) подвергают сомнению принцип уникальности и невозпроизводимости Х. В 1961 они основывают течение «Флюксус» и выступают с Х. в концертах. К ним присоединяются такие европ. художники как И. Бейс, Б. Во-тье, Р. Филиу и др. Благодаря «Флюксусу» Х. стремительно распространяется в Зап. Европе, Японии, Лат. Америке. Сущест, роль в популярности Х. играет опыт Ливинг-театра. В своих театр, экспериментах режиссеры П. Брук, Е. Гротовский тяготеют к глобализации театр, опыта, его трансформации в смысловой акт, радикально меняющий бытие. Практика привлечения П.Бруком актеров (профессионалов и непрофессионалов) любых рас и национальностей получила широкое распространение в постмодернистском театре и кинематографе. В балете принцип Х. активно ассимилировали такие хореографы, как Т. Браун, П. Бауш, позднее превратившие его в несущую опору постмодернистского танца.

В философско-эстетич. плане эту линию развивает известный феноменолог *М. Дюфрени*, выдвигающий в к. 60-х гг. идеи артизации, карнавализации жизни. Его концепция «революции-праздника» оказалась созвучна настроениям молодежного бунтарства, тенденциям контркультуры того периода и придала Х. новое звучание: «театр улиц», «театр-газета» стали феноменами молодежного протеста. Другой тенденцией эволюции Х. кон. 60-х гг. стал принцип телесности, превращение тела актера в самоценное средство выразительности (*боди-арт*). В постмодернистской ситуации Х. обретает новое дыхание в *перформансах* и инсталляциях.

Лит.: Hansen A. A Primer of Happening and the Time Space Art. N.Y.; P.; Cologne. 1965; Happening: Fluxus, Pop Art, Nouveau reahsme: eine Dokumentation. Hamb., 1965; Kaprow A. Assemblages, Environments and Happening. N.Y., 1966; Kulterman U. Art Events and Happening. L, 1971; Groupes, mouvements, tendances de l'art contem-poramdepuis 1945. P., 1989.

Н.Б. Маньковская